

1alf Est. A-3852 Dpe.

Прис. Повѣренный И. ДЕМКИНЪ.

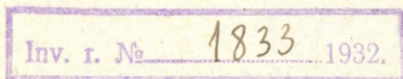

ЕДИНЬЙ СУДЪ.

КЪ ВОПРОСУ
ОБЪ ОСНОВАХЪ НОВАГО СУДОУСТРОЙСТВА.

(По поводу „Uue kohtukorralduse alused“ особой ком-
миссiи при Кодификац. Отдѣлѣ Министерства Юстиціи).

76846

1925.

СКЛАДЪ:
ИЗДАТЕЛЬСТВО И. ЦИММЕРМАНА
Таллинъ (Ревель).

.....
Типографія Эд. Циммермана, Валкъ.
.....

Est. A

Tartu Ülikooli
Raamatukogu

28275

Единый судъ.

Посвящается бывшему Мир. Судья,
Предсѣдателью и Сенатору В. В. Меншуткину.

Въ Эстоніи, какъ и другихъ государствахъ Прибалтики, счумѣвшихъ оградиться отъ социальнаго политическаго утопіи, устройство суда и производство судебныхъ дѣлъ по нынѣ опредѣляется преимущественно Судебными Уставами. Переиздавались Уставы съ 1864 года лишь въ порядкѣ кодификаціи частныхъ поправокъ и новеллъ, такъ что сущность судоустройства осталась здѣсь таже, что 60 лѣтъ тому назадъ въ Россіи.

Судебные Уставы-величественный памятникъ прошлаго и вмѣстѣ свѣтлый источникъ существующаго судебного строя, но, конечно, и Судебные Уставы могутъ рано или поздно уступить мѣсто законодательному творчеству новѣйшаго времени подъ напоромъ все растущихъ запросовъ къ суду со стороны современнаго гражданскаго оборота и всего уклада жизни, до крайности подвижнаго и требовательнаго при всей своей неустойчивости. Замѣну самихъ принциповъ Суд. Уставовъ трудно, однако, представить. Они не изъ тѣхъ, что тускнѣютъ отъ времени. Тѣмъ не менѣе нѣкоторой перестройки воздвинутаго ими зданія правосудія можно ждать и даже желать въ новыхъ условіяхъ жизни.

Въ современномъ, неизмѣримо болѣе развитомъ обращеніи всякихъ цѣнностей, афоризмъ „*время — деньги*“ преисполненъ самаго реальнаго значенія. По массѣ причинъ затяжной гражданскій процессъ способенъ нынѣ сводить на нѣтъ самую судебную защиту правъ. Сплошь и рядомъ судебная процедура лишь углубляетъ нарушеніе права, открывая нарушителю перспективы спокойнаго пользованія плодами правонарушенія на протяжении продолжительнаго времени, точно рассчитываемаго по инстанціямъ. Въ итогъ лицо терпящее въ правѣ оплачиваетъ свое недешевое обращеніе къ суду еще такой потерей энергіи и времени, цѣнность которыхъ превышаетъ весь юридическій и неюридическій интересъ отъ судебного охраненія права. Затяжной уголовный процессъ — прямой вредъ для общества. Онъ отдаляетъ изоляцію преступности, а при болѣе свободномъ примѣненіи

высшей мѣры пресѣченія (— предварительнаго заключенія) тяжело отзывается на тюремной экономіи, не говоря о личности.

Образованная при Кодификаціонномъ Отдѣлѣ Министерства Юстиціи Республики Эстѣи особая коммисія уже съ весны пр. г. составила и отпечатала „Uue kohtukorralduse alused,“ но не въ качествѣ окончательныхъ, — для изготовленія по нимъ законопроекта о судоустройствѣ, а въ цѣляхъ вызвать предварительно живой обмѣнъ мнѣній вокругъ этого величайшей важности вопроса.

Въ краткомъ вступленіи къ своему труду коммисія не указываетъ общей руководящей причины, вызвавшей необходимость созданія новаго судебного строя на смѣну существующаго, дѣйствующаго по Судебнымъ Уставамъ. Не выясняетъ этой властной причины и чтеніе всѣхъ основныхъ положеній новаго судоустройства, намѣченныхъ коммисіей.

Такой пробѣлъ для труда коммисіи далеко не безразличенъ, такъ какъ только новая общая идея, утверждающая на смѣну существующаго новый судъ на новыхъ началахъ, напр. состязательно — гласный по Судебнымъ Устамъ на смѣну дореформеннаго — ревизіоннаго, создаетъ понятіе новаго судоустройства. Говоря проще, ни новыя названія судебныхъ органовъ (наприм., просто участковый судья вмѣсто участковаго мирового), ни даже новыя комбинаціи взаимоотношеній разнаго рода судебныхъ органовъ, въ порядкѣ обжалованія, новаго судоустройства еще не дѣлаютъ и не составляютъ.

Не получивъ и не добившись при чтеніи объясненія, почему главы и параграфы труда коммисіи названы ею основными положеніями „новаго судоустройства,“ я тѣмъ не менѣе отнюдь не считаю этого труда ничемнымъ, не считаю его и малоцѣннымъ. Не давъ ожидаемаго новаго, онъ пробуждаетъ исканіе новаго, являясь самъ весьма интересной къ тому попыткой. И попытка эта не безпочвенна. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, современный судебный строй, какъ отмѣчено, едва ли вполне отвѣчаетъ потребностямъ времени. Въ немъ что-то должно быть сдвинуто, передвинуто, обновлено, а быть можетъ и устранено, но безъ нарушенія принциповъ судебныхъ уставовъ, ибо эти принципы явились и остались величайшими завоеваніями человѣческой мысли и совѣсти, ни мало не утратившими своего значенія по нынѣ.

Какимъ могло бы быть новое судоустройство въ духѣ потребностей времени, съ сохраненіемъ при томъ преемства отъ дѣйствующаго, вотъ тотъ вопросъ, какой самъ собою ставитъ трудъ коммисіи, хотя и не отвѣчаетъ на него.

Не претендуя разрѣшить подобный вопросъ съ налета, я въ своихъ строчкахъ пытаюсь лишь подойти къ нему, примкнувъ къ сторонникамъ единаго суда и оставаясь поклонникомъ мирового. Въ своей попыткѣ разгадать сфинкса, я старался смотрѣть ему прямо въ глаза — простые и полные тайны.

I.

Логика вопроса.

Во существующемъ строѣ судебныхъ мѣстъ (по Суд. Уставамъ) для судебныхъ дѣлъ имѣемъ: для болѣе важныхъ — коллегіальные суды начиная съ I инстанции, а для менѣе важныхъ — единоличныя въ I-й инстанции, коллегіальный въ апелляціонной изъ мировыхъ же судей.

Собственно дѣленіе судовъ на двѣ категории (серіи) по важности дѣлъ удержано и комиссіей.

Une kohtukorralduse aluste I Peatüki § 1 гласитъ: „kohtud jagunenewad kahte seeriasse: üks enamtähtsate, teine vähemtähtsate asjade jaoks, а II Peatüki § 1 — „Kohtuwõimu teostawad: alamal seerial — a) jaoskonnakohtunik, b) ringkonnakohtu apellatsiooniosakond, d) Riigikohus, ja kõrgemal seerial — a) ringkonnakohtus b) kohtupalat, d) Riigikohus*).

Сохраненіе для болѣе важныхъ дѣлъ коллегіального суда I инстанции и лишь для менѣе важныхъ единоличнаго — комиссія кратко объясняетъ тѣмъ, что на единоличнаго судью, если ему предоставить разрѣшеніе споръ значительной цѣнности, легче оказать вліяніе и его же труднѣе, чѣмъ коллегіальный судъ, оградить отъ подозрѣній въ этой плоскости. Чѣмъ именно подкрѣпляется такое положеніе, комиссія не объясняетъ, а ссылается на него, какъ на нѣкую аксіому или повѣренный фактъ.

Я просилъ бы доказательствъ. Во мнѣ нѣтъ вѣры въ особую спасительность коллегіального суда I инстанции, для какихъ бы то ни было дѣлъ, а изъ жизни вынесено убѣжденіе въ прямой бесполезности всего параллелизма судовъ — особенно по гражданскимъ дѣламъ.

Мое мнѣніе расходится съ выводомъ комиссіи, но, насколько мнѣ извѣстно, также раздѣляется нынче многими судебными дѣятелями. Открыто оно не провозглашается потому развѣ, что обоснованіе его связано съ походомъ противъ преувеличеній значенія коллегіального начала въ судахъ.

*) Основы новаго судоустройства, Глава I, § 2: „суды раздѣляются на двѣ серіи: одна для болѣе важныхъ, другая для менѣе важныхъ дѣлъ; Глава II § 1: судебную власть образуютъ: въ низшей серіи: а) участковый судья, б) отдѣленіе апелляціоннаго окружнаго суда, д) Государственный судъ, и въ высшей серіи: а) окружный судъ, б) судебная палата, д) Государственный судъ.

Выпады противъ коллегіальности способны чрезмѣрно беречь сложную среду, рѣшающую коллегіально, чувствующую индивидуально. Опасенія встрѣчныхъ упрековъ въ ретроградности или неуваженіи къ суду также смыкають уста. Причинъ къ этому, однако, нѣтъ. Что судъ есть святая святыхъ народной совѣсти, это трижды вѣрно, а что святъ можетъ быть только коллегіальный, это уже идолопоклонство, мнѣ лично мало дже понятное.

Противъ § 1 „Uue kohtukorralduse alused“ я рѣшаюсь высказаться прежде всего потому, что на небольшой территоріи Республики, при относительно простомъ житейскомъ обиходѣ, надлежало бы стремиться не къ раздѣленію и разобщенію, а ко всемѣрному объединенію правосудія съ первой же инстанціи, каковая уже поэтому можетъ стать здѣсь единою и по составу и со стороны самаго производства дѣлъ „важныхъ“, „менѣ важныхъ“, „не важныхъ.“

Далѣе, между I и II инстанціями нужны не узкіе мостики, а широкій путь постоянного общенія между собою судебныхъ дѣятелей по вопросамъ судебной дѣятельности, такъ какъ только при такомъ условіи возможно зарожденіе и развитіе судейскихъ традицій, двигающихъ впередъ колесницу правосудія. Въ такихъ традиціяхъ эта колесница обрекается стоять на мѣстѣ или даже откатывается назадъ.

Въ условіяхъ демократическаго строя, вопросъ о единомъ судѣ, одинаково дѣйствующемъ при производствѣ болѣе и менѣе важныхъ дѣлъ, есть вопросъ несомнѣнно болѣе глубокаго значенія, чѣмъ это трогается комиссіей.

Свои соображенія комиссія дополняетъ тѣмъ еще доводомъ, что отъ одинаковости полномочій первыхъ инстанцій суды не становятся лучше или хуже

Этотъ доводъ никакъ не устраняетъ вопроса о единомъ для всѣхъ дѣлъ судѣ, ибо за дѣлами стоятъ люди. Согласившись съ нимъ, пришлось бы также отбросить всякую заботу о внѣшнемъ престижѣ суда: есть у суда такой престижъ или нѣтъ, самъ по себѣ судъ не становится отъ этого лучше или хуже. Между тѣмъ огражденіе также внѣшняго судебного престижа служить у самой комиссії основаніемъ для удержанія коллегіальнаго суда I инстанціи для болѣе важныхъ дѣлъ, а сохраненіе единоличнаго для менѣе важныхъ объясняется лишь практическою невозможностью образовать для всѣхъ дѣлъ коллегіальные суды.

Въ моемъ пониманіи условій судебного престижа, подъ прямымъ взглядомъ сфинкса простоты, вопросъ ставится иначе: нуженъ ли вообще для этого коллегіальный судъ I инстанціи?

Допустимъ, вопреки всему происходящему въ политической жизни, что на „личность“ легче оказывать вліяніе, чѣмъ на коллективъ личностей, но будемъ послѣдовательны съ этимъ пробнымъ камнемъ въ дѣлѣ строенія суда.

Исходя изъ комментарий къ I Peat. § 1 приходится признать, что судъ въ составѣ 3-хъ, 4-хъ, 5-ти членовъ легче, напр., склонить на неправое рѣшеніе, чѣмъ въ составѣ 9-ти, 12-ти, 15-ти.

Что сама коммисія не особенно дорожить послѣдовательнымъ примѣненіемъ своихъ комментарий изъ I-й главы, видно, между прочимъ, изъ того, что отъ какого либо приложенія ихъ же къ раздѣленію засѣданій Госуд. суда коммисія воздержалась. Здѣсь нѣтъ раздѣленія послѣднихъ по дѣламъ судовъ низшей и высшей серіи. Составы засѣданій Госуд. суда въ Гл. VI § 2 раздѣляются на трехъ и пяти членные не по цѣнности дѣлъ, а уже въ зависимости только отъ ихъ сложности: — „wähemalt kolmeliikmelisteks — lihtsamate asjade jaoks ja wähemalt wiieliikmelisteks — keerulisemate asjade jaoks*).

Конечно, подѣленіе засѣданій Госуд. суда на трехъ и пяти членные по степени соблазнительности дѣлъ было бы крайне неумѣстно, но вѣдь и тамъ, въ главѣ I, § 1, который служить основнымъ фундаментомъ всего храма правосудія, подѣленіе суда I-й же инстанціи по такому признаку должно быть, конечно, покрыто черною краскою. Самая терминологія „*болѣе и менѣе важныя дѣла*“ едва ли вяжется съ идеальнымъ понятіемъ о судѣ, предъ лицомъ котораго нѣтъ дѣлъ разной важности, а всѣ одинаково важны. Въ томъ, что судъ остается одинаковъ для всѣхъ дѣлъ, — его сущность и причина причинъ его независимости и устойчивости, чего нѣтъ у сего законодателя **).

Начало коллегіальности въ судахъ исторически возникаетъ и удерживается вовсе не потому, что оно больше обезпечиваетъ безпристрастіе суда. Будь это такъ, подобный взглядъ лишалъ бы государство всякаго права вводить единоличный судъ по какимъ бы то ни было дѣламъ, ибо въ храмѣ правосудія нѣтъ мѣста иной Фемидѣ, кромѣ подлинной съ повязкой на глазахъ. По самой природѣ суда, параллельное водвореніе Фемиды II-го разряда (alama seeria), пользующейся довѣріемъ лишь до 500 эст кронъ, выражаясь мягко, составляетъ засореніе понятія о судѣ.

Въ своемъ прошломъ начало коллегіальности проникаетъ въ суды, какъ это извѣстно, не для устраненія заинтересованности, а къ разъ для того, чтобы дать мѣсто представительству опредѣленнаго интереса, чаще всего сословнаго. Съ теченіемъ времени сословные суды были

*) „По крайній мѣрѣ изъ трехъ членовъ по простымъ дѣламъ и по крайній мѣрѣ изъ пяти членовъ по сложнымъ дѣламъ.“

**) Понятіе о судѣ едва ли не предшествуетъ идеѣ самого государства. Нынѣ, продолжая развиваться, оно вышло даже за предѣлы государственности. Напр. Лига націй занялась огражденіемъ правъ личности — подданнаго противъ неправомѣрныхъ посягательствъ его же государства (эмигранты изъ Россіи. Лига націй). Для современнаго понятія о судѣ подраздѣленіе суд. дѣлъ на болѣе и менѣе важные черезъ чуръ условно чтобы имъ дорожить. Уже у составителей суд. уставовъ дѣленіе это почти пережитокъ (см. ниже характеристика мир. суда и его функцій).

изжиты, и дѣло правосудія перешло въ руки государства. Коллегіальность суда упразднялась, восстанавливалась, снова сокращалась.

Изъ близкаго времени любопытенъ опытъ Керенскаго. Какъ примѣръ для настоящей темы, онъ, конечно, грубоватъ, но не лишенъ значенія.

Во имя коллегіальности и вмѣстѣ видимости народнаго участія въ судѣ, Керенскій посадилъ къ отдѣльнымъ мировымъ судьямъ по представителю отъ войска и рабочаго класса, наименовавъ эти суды народными. Черезъ два, три мѣсяца населеніе порастеряло свои права въ мудреныхъ рѣшеніяхъ такихъ коллегій. Авторитетъ судейскаго разумія, возглавлявшаго ихъ, растворился. Народные суды пришлось также спѣшно убрать.

Въ совѣтскомъ „прижимѣ“, какъ называетъ его кряхтя Россія, населеніе вновь получило только коллегіальные „народные суды“ — усиленного состава по надобностямъ режима. О дѣйствіяхъ этихъ судовъ по огражденію правъ говорить не приходится по отсутствію правъ у населенія и полному же отсутствію независимости у суда, при всей его коллегіальности *).

Къ настоящему времени наиболѣе общимъ основаніемъ для удержанія коллегіальныхъ судовъ 1-й инстанціи является то самое, какое примѣнено комиссіей въ VI главѣ § 2, т. е. ариетическая выкладка: умъ хорошо, а два, три лучше; три хорошо, а пять еще лучше (VI Peat. § 2), для поясненія же того, какимъ образомъ сложеніе умовъ помогаетъ рѣшенію дѣлъ, прибѣгаютъ къ сравненію изъ области не то звуковыхъ, не то оптическихъ явленій: судебная истина рождается въ фокусѣ скрещивающихся мнѣній, — *de choc des opinions on trouve la vérité*.

Такъ какъ и комиссія къ концу труда остановилась на такой аттестаціи коллегіальности (VI Peat. § 2), и я раздѣляю ея правильность за отсутствіемъ въ оборотѣ другихъ, то, исходя отсюда, можно поставить вопросъ: возможно ли всеже въ образованіи суда 1-й инстанціи обойтись

*) Дѣятельностью коллегіальныхъ судовъ совѣтскаго изобрѣтенія (народныхъ, и революціонныхъ трибуналовъ) права населенія въ Россіи едва ли не погашены полностью — включительно до права на жизнь и неприкосновенность тѣла и души отъ причиненія напрасныхъ мученій. Огражденіе жизни и иныхъ благъ личности совершается тамъ, какъ извѣстно, не по праву на нихъ, а по началу политической расправы. Последняя м. б. подсунута по любому дѣлу и поводу: для выявленія судомъ своей революціонной бдительности, въ качествѣ удобнаго выхода изъ любого затрудненія по дѣлу, и пр. и пр. Актами правосудія судебные акты перестали служить въ Россіи приблизительно съ 1920 г., когда суть полностью была взята въ партійныя руки. До этого времени кое какія крохи остатковъ общечеловѣческаго правосознанія въ партійной средѣ задерживали окончательную замѣну правосудія революціоннымъ усмотрѣніемъ. Такъ низложить судъ, весь смыслъ котораго въ удовлетвореніи общечеловѣческой потребности въ правдѣ, было бы, конечно, не подъ силу единоличнымъ судьямъ. Личная совѣсть, въ своемъ уединеніи, представляется величиной болѣе постоянной, чѣмъ слагаемое изъ совѣстей, обычно компромиссное. Было бы въ высокой степени интересно проверить это на правильно поставленномъ психологическомъ экспериментѣ, хотя бы надъ учащимися. Возможно, что подобные опыты уже и производились психологами экспериментаторами.

безъ коллегіального начала, безъ помощи фокуса скрещивающихся мнѣній членовъ коллегіи.

Изъ непосредственныхъ наблюденій и личнаго участія въ судебныхъ коллегіяхъ мною вынесено твердое убѣжденіе, что нынѣ безъ коллегіального суда I-й инстанціи обойтись не только можно, но и должно въ интересахъ правосудія; въ Эсти же, при грядущемъ избыткѣ молодыхъ силъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, это особенно возможно и желательно, при условіи, конечно, солиднаго на то служебнаго стажа.

Перспективы всего судоустройства, проникнутаго началомъ объединенія суда съ I же инстанціи, оказываются несравненно болѣе стройными. Они удовлетворяютъ потребности равнаго суда. Построеніе единоличнаго суда I инстанціи для всѣхъ дѣлъ, съ апелляціонной изъ тѣхъ же судей округа, должно сразу поднять пропускную способность послѣдней. И фактически подходъ къ такой реформѣ въ Эсти уже сдѣланъ. Законодательство Республики уже стало на путь критическаго отношенія къ началу коллегіальности суда I инстанціи въ отношеніи „*всѣма важныхъ*“ дѣлъ, такъ какъ уже передало въ существующіе единоличные мировые всѣ наслѣдственные дѣла, независимо отъ ихъ сложности и размѣра наслѣдственныхъ массъ. Очередь за передачей всѣхъ гражданскихъ исковыхъ и уголовныхъ, а значить и за упраздненіемъ окружныхъ судовъ, суд. палаты и всего этого стараго дѣленія судовъ на двѣ серіи.

Въ пользу кореннаго упрощенія судоустройства можно привести безконечное число доводовъ. Самое упрощеніе сводится къ тому, что все судоустройство, при единоличномъ судѣ I инстанціи по всѣмъ дѣламъ, будетъ имѣть 3 ступени одной лѣстницы: участковый судья, сѣздъ судей округа и Государственный судъ. Судебная палата и окружные суды по несоответствію времени упраздняются. Такія учрежденія, какъ отдѣленія для регистраціи недвижимостей, остаются при сѣздахъ судей, съ обжалованіемъ ихъ дѣйствій въ сѣздъ или Госуд. судъ (что лучше, не рѣшаю). Во имя упрощенія и вмѣстѣ полноты объединенія всего правосудія, возможенъ еще шагъ: Госуд. судъ изъ предсѣдателей сѣздовъ (залогъ устойчивости касационной практики).

На положительныхъ и практическихъ качествахъ такого судебного строя я остановлюсь ниже, но мнѣ представляется возможнымъ привести даже нѣкоторое теоретическое основаніе ненужности коллегіального суда I-й инстанціи.

Дѣйствительно, судебная истина познается въ результатѣ оцѣнки скрещивающихся мнѣній, но какъ разъ по дѣламъ болѣе важнымъ и сложнымъ разсмотрѣніе дѣла сопровождается обычно участіемъ адвокатуры, а въ уголовномъ процессѣ и прокуратуры.

Въ современномъ пониманіи представительства сторонъ на судѣ, ихъ повѣренные и публичный представитель обвиненія оказываютъ содѣйствіе раскрытію судебной истины съ точекъ зрѣнія правовыхъ интересовъ

сторонъ, т. е. своими лишь путями содѣйствуютъ выясненію дѣла. Сдѣлать выводъ изъ ихъ доводовъ или доводовъ самихъ сторонъ и собственнаго разумѣнія, значитъ для суда рѣшить дѣло. Выполненіе этой задачи въ I-й инстанціи вполнѣ посильно для одного юридически просвѣщеннаго ума. То, что происходитъ при коллегіальномъ обсужденіи, составляетъ въ сущности собіраніе въ фокусъ доводовъ, какъ они отразились въ пониманіи членовъ коллегіи. Но, благодаря этому, коллегіальное обсужденіе нерѣдко вноситъ путаницу.

Обычно знакомъ вполнѣ съ дѣломъ — докладчикъ. Отраженіе доводовъ сторонъ въ его пониманіи наиболѣе цѣнно, между тѣмъ законъ обезпечиваетъ побѣду за коллегіей, т. е. и за пониманіемъ дѣла большинствомъ изъ другихъ членовъ; но пониманіе ими существа дѣла, по неполному съ нимъ знакомству, не всегда на высотѣ.

Не въ пользу коллегіальнаго начала и тѣ положенія, когда коллегія слѣпо довѣряетъ докладчику. Въ этомъ случаѣ коллегіальность не при чемъ, одинъ миражъ, такъ какъ рѣшеніе исходитъ отъ одного, а имѣетъ значеніе или авторитетъ постановленнаго коллегією.

Засимъ идутъ случаи, когда усталый мозгъ члена коллегіи, освободившагося отъ своихъ докладовъ, съ трудомъ вникаетъ въ происходящее и даже, бываетъ, никакъ не реагируетъ на происходящее. Дать немедленно свое мнѣніе для него фیزیологически невозможно, и... коллегіальное рѣшеніе выносится, не будучи коллегіальнымъ.

Извѣстныя мнѣ попытки столичныхъ судей ввести изученіе дѣлъ къ докладу всѣмъ составомъ предстоящаго засѣданія по понятнымъ причинамъ не могли увѣнчаться успѣхомъ, и въ практику такое изученіе не вошло.

Если засимъ принять во вниманіе, что болѣе важныя и болѣе спорныя дѣла обычно въ I инстанціи не заканчиваются, а проводятся черезъ всѣ, то за сохраненіе коллегіальнаго суда I инстанціи для болѣе важныхъ, можно сказать, не остается никакихъ доводовъ.

По моему разумѣнію, параллелизмъ суда удерживается по недоразумѣнію. Онъ долженъ быть изжитъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше въ интересахъ правосудія, какимъ нынче можетъ служить только правое и вмѣстѣ скорое огражденіе правъ.

Перейдя къ положительнымъ сторонамъ схемы построенія единаго суда, какъ онъ мыслится мною, останавлиюсь только на главнѣйшихъ:

а) Какъ отмѣчено, сѣзды судей, сохраняемые въ кач. апелляціонныхъ инстанцій, способны пропускать дѣла неизмѣримо скорѣй, чѣмъ это достигается въ судебной палатѣ, единственной на всю Республику, заботой производствъ вилотную. По необходимости дѣло здѣсь должно ждать только своего назначенія въ докладъ едва не цѣлый годъ.

Разрѣшеніе дѣла черезъ два, три года, хотя бы правильное по

существо и съ формальной стороны, не есть актъ дѣйствительнаго правосудія.

б) Престижъ суда, между прочимъ, поκειται на его близости къ населенію и доступности, предполагающихъ возможность непосредственнаго обращенія къ суду тяжущихся и вообще всѣхъ, имѣющихъ до суда надобность. Удовлетворить этому требованію всего успѣшнѣе можетъ лишь единоличное, подвижное начало.

По духу Судебныхъ Уставовъ и установившейся традиціи, право непосредственнаго обращенія къ судѣ всегда понималось вмѣстѣ и какъ прямая обязанность судьи непосредственно, **лично** принимать просьбы, жалобы, заявленія и пр., а порученіе тѣхъ же дѣйствій канцеляріи составляло дисциплинарный проступокъ.

Поддерживая условія подобнаго общенія съ судомъ, законодатель воздерживался отъ учрежденія при мировыхъ судьяхъ официальной должности секретаря, а Сенатъ не признавалъ поданными въ судъ апелляцій, врученныхъ помимо судьи его письмоводителю. Съ другой стороны, во имя вышшняго же престижа суда, въ средѣ напр. Петроградскихъ судей считались недопустимыми собесѣдованія судьи съ тяжущимися или ихъ повѣренными внѣ залы суда или канцеляріи.

Эти и подобныя традиціи можно поддержать, а инныя и воскресить только при единоличномъ судѣ I инстанціи, работающемъ въ живомъ контактѣ съ апелляціонной изъ тѣхъ же судей.

в) Заинтересованность единоличнаго судьи въ правильномъ и **свое временно**мъ разрѣшеніи дѣлъ несомнѣнно выше, чѣмъ въ коллегіальномъ судѣ, ибо у единоличнаго не можетъ быть ссылки на волю коллегіи или зависимость отъ нея, а вся его дѣятельность на виду и на его личной отвѣтственности.

Одна эта особенность единоличнаго суда I инстанціи говорить много въ его пользу, да и для судебной кѣрьеры все это очень и очень важно, обезпечивая правильность замѣщенія высшихъ судебн. должностей.

г) Апелляціонная инстанція, образуемая изъ числа судей, единолично работающихъ въ I-й, приводитъ къ тому объединенію между I и II-ю ступенями суда, которое только и создаетъ надежную почву для образованія и накопленія въ судебской средѣ необходимыхъ традицій. Упроченію ихъ могли бы еще способствовать періодическіе (разъ въ годъ или черезъ годъ) сѣзды судей со всей территоріи Республики какъ для академическаго обсужденія вопросовъ права, такъ и для обмѣна соображеніями по другимъ вопросамъ судебной дѣятельности.

д) Полное упраздненіе вмѣстѣ съ суд. палатою общихъ судебныхъ мѣстъ существующаго типа создаетъ громадную экономію въ затратахъ личныхъ силъ и времени въ дѣлѣ одного продвиженія производствъ, ибо принимая просьбы, отзывы, апелляціи, самъ же судья единолично рѣшаетъ,

опредѣляетъ направленіе и направляетъ, не имѣя нужды ни въ какихъ особыхъ для этого распорядительныхъ засѣданіяхъ.

Экономія въ денежныхъ средствахъ отъ упрощенія судебного строя получится также не малая, но она должна пойти на достойное обезпеченіе содержаніемъ и на увеличеніе числа судей, съ присвоеніемъ имъ болѣе высокаго званія, напр. государственныхъ участковыхъ. При допущеніи нѣкотораго участія въ назначеніи судей органовъ общественного самоуправленія, послѣдніе могли бы быть привлечены и къ участию въ расходахъ на судное дѣло.

Провести реформу упрощенія можно съ успѣхомъ при участіи и подъ предсѣдательствомъ судебного персонала, освободившагося отъ упраздненныхъ установленій по болѣе важнымъ дѣламъ, а извѣстная постепенность введенія суда на новыхъ началахъ поможетъ вскрыть и избѣжать ошибокъ для завершенія реформы.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, однако, въ основныхъ же положеніяхъ такого судоустройства должны быть, конечно, намѣчены точно главнѣйшія основанія дисциплинарной и иной отвѣтственности судей и порядка возбужденія о нихъ дѣлъ; для поддержанія внутренняго и огражденія внѣшняго судебного престижа на высотѣ дѣйствительности.

II.

Логика исторіи по вопросу.

Попутно съ доводами, какъ ихъ подсказываетъ современная жизнь, вопросъ о единомъ судѣ находитъ себѣ также вполне благоприятное историческое освѣщеніе.

Переоцѣнивъ впереди всего коллегіальность I инстанціи, коммисія оказалась безсильной дать то, къ чему стремилась, — т. е. упрощеніе суда. Но это стремленіе и его неосуществимость въ условіяхъ параллелизма и самая смычка коммисіей параллелизма въ апелляціонной инстанціи (ringkonnakohtu apellatsiooni osakond, Peat II, § 1, — во имя упрощенія однимъ сокращеніемъ числа судебныхъ мѣстъ: мирового съѣзда), — все это еще болѣе заставляетъ искать разгадку упрощенія въ единомъ судѣ. Видимо въ этомъ направленіи движется также разрѣшеніе загадки и въ путяхъ исторіи.

Коммисія выразила опасеніе за независимость единоличнаго суда I инстанціи отъ вліяній при разрѣшеніи „болѣе важныхъ“ дѣлъ. Съ опасностью въ этой плоскости возможна борьба: судейская несмѣняемость, обезпеченіе содержаніемъ, неослабный надзоръ, даже присвоеніе высокаго званія.

Въ общественномъ сознаніи опасность для судебного престижа, и даже государственнаго не столько въ этомъ, сколько въ отсутствіи стойкости

судовъ подъ давленіями и нажимами политическаго и административнаго порядковъ.

Исторія суда въ Россіи показала, что экзаменъ на эту стойкость выдержали именно единоличные мировые судьи и именно благодаря органическому объединенію ихъ со 2-ю инстанціей изъ тѣхъ же судей, съ выборнымъ предсѣдателемъ во главѣ. При Александрѣ III мировые судьи въ Россіи почти повсемѣстно были замѣнены земскими начальниками. Слѣбая реакція того времени внесла этимъ свою очень крупную долю участія въ подготовкѣ всходовъ 1917—1918 года. Мировыя судебныя учрежденія были оставлены лишь въ столицахъ и кое гдѣ, но данныя о стойкости мировыхъ судей того и другого времени подъ разнообразѣйшими нажимами (М-въ Вн. Д., Военнаго, Юстиціи, губернаторовъ, градоначальниковъ и пр. и пр.) могли бы быть извлечены изъ многихъ производствъ, поступавшихъ по разнымъ поводамъ въ Общее собраніе и Соединенное присутствіе 1-го и Касс. Д-товъ Сената, а также въ Высшее Дисциплинарное.

Временами въ органическомъ объединеніи со 2-й инстанціей проявлялъ подобную же стойкость и судебный персоналъ Прибалтійскихъ мировыхъ учреждений, не смотря на его комплектованіе по назначенію и не смотря на его зависимость отъ Министра Юстиціи, проводившаго свои пожеланія черезъ старшаго предсѣдателя Петр. суд. палаты; исторія же б. столичныхъ мировыхъ судей полна примѣровъ проявленій судейской независимости (см. юбилейн. сборн. Петр. стол. мир. сѣзда за 50 лѣтъ).

Трудъ комиссіи ставить въ связь единоличный судъ I инстанціи съ коллегіальнымъ но болѣе важнымъ дѣламъ, образуя въ послѣднемъ апелляціонную инстанцію для перваго (Ringkonnaehto apellatsiooni osakonda — II Peat § 1).

По моему глубочайшему убѣжденію, этого рода связь явится весьма хрупкимъ мостикомъ для внутренней независимости единоличнаго судейскаго убѣжденія I инстанціи, въ лучшемъ же случаѣ расплодитъ недоразумѣнія вслѣдствіе существенной разницы многихъ производственныхъ правилъ по дѣламъ болѣе и менѣе важнымъ. Какія изъ первыхъ правилъ, по силѣ ст. 80 уст. гр. суд. и ст. 118 угол. суд., обязательны для мирового суда, исчерпать это оказалось не подъ силу даже Сенату, но... **На протяженіи десятковъ лѣтъ, болѣе $\frac{1}{2}$ столѣтія, Сенатъ пополнялъ и пополнялъ судопроизводство мирового суда перечнями изъ правилъ, относящихся къ общимъ судебнымъ установленіямъ.**

Болѣе яркаго, болѣе разительнаго доказательства напряженности просвѣщеннаго правосознанія въ сторону единаго суда трудно желать, а вдумавшись глубже въ ст. 80 и 118 уставовъ производствъ, мы должны открыто и по совѣсти признать, что идея единаго суда несомнѣнно парила и предъ умственными взорами составителей Судебныхъ Уставовъ, но не была ими вполне осознана и не могла бы быть проведена въ жизнь по недостатку юридически просвѣщеннаго судейскаго персонала для такого суда въ Россіи 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. Подлинныя мотивы параллель-

лизма суда остались въ сердцахъ ушедшихъ въ могилу, любившихъ родину и, быть можетъ, не желавшихъ полностью расписаться въ ея непросвѣщенности для этого. Вотъ почему Сенатъ, имѣя передъ собою параллелизмъ Уставовъ, уходилъ отъ него. Не вѣдая того, Сенатъ залагалъ камень за камень для фундамента суда единаго. Не вопреки, а въ духѣ Уставовъ онъ залагалъ его все время по мѣрѣ развитія просвѣщенія въ средѣ единоличныхъ судей.

Дѣло Министерства Юстиціи и законодательства Республики приступить къ самому знанію такого суда и закончить его. Потребность въ единомъ судѣ и назрѣла и осознана. Назрѣваютъ и личныя условія для этого.

Что касается труда коммисіи въ цѣломъ, то трудъ этотъ, удержавъ параллелизмъ суда въ принципѣ, не внесъ и не могъ внести ни упрощенія суда, ни условій ускоренія его, ни надежныхъ скрѣпъ для судейской независимости, а безъ всего этого существующее судоустройство всегда будетъ имѣть за себя тотъ плюсъ, что оно привычно и что всѣ мы юристы и не-юристы воспитались на Судебныхъ Уставахъ, воздвигнувшихъ его

Мой общій выводъ изъ моего наброска тотъ, что **параллелизмъ суда въ Судебныхъ Уставахъ не составляетъ принципа**. Принципъ въ нихъ — судъ равный, одинаковый, а параллелизмъ только необходимость, только дань малопросвѣщенному времени, какъ и раздѣленіе судебныхъ дѣлъ на болѣе и менѣе важныя. Съ развитіемъ просвѣщенія этотъ параллелизмъ подлежитъ устраненію и долженъ дать мѣсто единству суда.

Сказанное удивительно упрощаетъ дѣло реформы и уясняетъ ея сущность. Планъ разработки единыхъ правилъ судопроизводства гражданскаго и уголовнаго и самое содержаніе ихъ сами собою намѣчаются путемъ преемства и углубленія работы Сената. Все, оставленное Сенатомъ по примѣненію ст. 118 и 80 уставовъ судопроизводства, можетъ быть смѣло воспринято и использовано въ основу законодательной работы для сближенія параллелей въ духѣ Судебныхъ Уставовъ въ сторону объединенія суда. Правилами производства единоличнаго суда I-й инстанціи явятся изъ относящихся къ общимъ судебнымъ установленіямъ всѣ, указанныя Сенатомъ, и тѣ, кои необходимы до полного сліянія параллелей въ единый судъ, т. е. для составленія уставовъ производства единоличнаго суда I-й инстанціи съ расширеніемъ его компетенціи, какъ единаго.

Не погрѣшая ни въ чемъ противъ великихъ принциповъ и заветовъ Судебныхъ Уставовъ, подобная реформа составитъ правильное наслѣдіе по подлинному завѣщанію Уставовъ, какъ и должно быть. Слѣдуетъ лишь правильно прочесть завѣщаніе.

Читая выше въ сердцахъ составителей Уставовъ, я не хотѣлъ сказать, что въ идеѣ они уже мыслили опредѣленно единый судъ и что мыслили его непременно единоличнымъ. Дѣйствующій параллелизмъ былъ созданъ самими же Уставами учрежденіемъ, на ряду съ общими, мирового

суда — въ кач. особеннаго и вмѣстѣ подсобнаго въ дѣлѣ укомплектованія общихъ коллегіальныхъ судебныхъ мѣстъ, согласно закона, лицами съ высшимъ образованіемъ, такъ какъ имѣлось въ виду, что „по *установленіи мировыхъ судей* (выборныхъ съ образовательнымъ цензомъ ниже высшаго) и по *введеніи новыхъ уставовъ судопроизводства*, большая часть судовъ *убѣдныхъ, а равнымъ образомъ и палатъ сдѣлаются излишними*“ (Суд. Уст. 1864 г. изд. гос. канц. ч. III, осн. пол. судоустр., стр. II). Но я утверждаю, что, вводя мировой единоличный судъ, законодатель уже эволюціонировалъ въ своихъ симпатіяхъ отъ коллегіальности къ единоличію. Онъ не только сближалъ значеніе мирового суда съ общимъ коллегіальнымъ, но и порядокъ ихъ дѣйствій (ст. 80, 118 уставовъ провиз.). По идеѣ, въ него вложенной, Мировой Судъ явился **самоцѣннымъ** институтомъ и только практически и фактически подсобнымъ.

Бывало и раньше, что судебныя функціи съ судебныхъ коллегій перелагались на воеводъ, губернаторовъ, но послѣдніе отъ этого не становились судебными органами, какъ были поставлены сразу въ качествѣ особо важныхъ блюстителей правосудія мировые судьи.

Убѣждаютъ въ сказанномъ поворотѣ симпатій отъ коллегіальности какъ историческая справка, предпосланная учрежденію суд. уст., изд. Гос. канц. (стр. 1—12), такъ и характеристики мирового института въ основныхъ положеніяхъ судоустройства (стр. II, XI), во введеніи къ ст. 1—11 учр. суд. уст. (стр. 12) и въ самыхъ комментаріяхъ подъ ст. 1 учрежденія (стр. 13).

Ни переоцѣнки коллегіальнаго начала, ни той ниже средней оцѣнки единоличнаго, какія даны въ „*Une kohtukorralduse alused*“, у составителей Уставовъ не встрѣчается вовсе, а имѣется нѣчто совсѣмъ иное.

Изъ **исторической справки** усматривается, что въ учрежденіяхъ до Петра В. дѣла раздѣлялись по приказамъ, но въ нихъ смѣшивались почти всегда разные роды дѣлъ: судебныя, административныя, финансовыя, военныя, иногда и духовныя; понятія о степеняхъ или инстанціяхъ судей были не ясны; почти всѣ дѣла разсматривались въ первой и послѣдней степени; никто не чувствовалъ надъ собою высшаго надзора и недовольные не имѣли другого средства исправить ошибку или несправедливость судьи, какъ подачею жалобы самому Государю (стр. 1, 2).

Вступивъ въ борьбу съ такимъ положеніемъ вещей, Петръ издаетъ рядъ указовъ: 1714 г. Апрѣля 4. (п. с. з. № 2791) — о коллегіальномъ разсмотрѣніи дѣлъ судныхъ и рѣшеніи оныхъ по большинству голосовъ, 1718 г. Мая 9 (п. с. з. № 3202) — объ установленіи степеней судебныхъ мѣстъ („главныхъ въ каждой губерніи по одному, а малые подъ онымъ, и главные губернской подъ Юстицъ-Коллегію) и пр.

Не успѣвая за мыслию законодателя, народныя массы попрежнему понимали одну только власть и одного судью — государя; онѣ продолжали обращаться къ нему съ жалобами, минуя всѣ инстанціи. Наконецъ въ

указѣ 1718 г. Декабря 22 (п. с. з. № 3261) Петръ былъ вынужденъ особо пояснить свои прежніе указы и, между прочимъ, указать, „**чего ради учинены коллегіи.**“ Это есть первое общее и едва ли не единственное законодательное объясненіе коллегіальнаго начала въ судѣ.

По опредѣленію Петра, коллегія есть собраніе многихъ персонъ (вмѣсто приказовъ), въ которыхъ президенты или предѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали что хотѣли. Въ коллегіи же президентъ не можетъ, безъ соизволенія товарищевъ своихъ, ничего учинить.“

Въ послѣдующемъ своемъ изложеніи историческая справка отмѣчаетъ разнообразныя отступленія отъ предначертаній Петра (указы: самаго Петра 1722 г., тайнаго Совѣта 1727) и возвращенія къ нимъ въ позднѣйшее время (учр. для упр. губ. 1775 г. и пр.).

Указомъ 1801 г. положено основаніе того дореформеннаго порядка, какой вошелъ въ сводъ 1857 г. и позднѣе замѣненъ Судебными Уставами,

Сравнительно съ прежнимъ хаосомъ смѣшенія всѣхъ властей за столѣтіе тому назадъ, уже судоустройство по указу 1801 г. и своду 1857 г. явилось, даже на такомъ пространствѣ времени, крупнымъ успѣхомъ законодателя. Отмѣчая этотъ успѣхъ, составители Уставовъ, между прочимъ, высказываютъ и тѣ общія мысли, какія я выше использовалъ отъ нихъ примѣнительно къ нимъ? . . . „правильнѣйшее распредѣленіе судебныхъ мѣстъ, установленіе степеней суда и введеніе коллегіальнаго порядка для разсмотрѣнія споровъ не составляютъ еще всего, что необходимо въ судоустройствѣ. По особенному свойству дѣлъ судебныхъ, разсмотрѣніе оныхъ во всѣхъ государствахъ ввѣряется людямъ, имѣющимъ специальное юридическое образованіе, съ теоретическими познаніями, и свѣдѣнія, приобретаемая практикою. Если и теперь еще ощущается недостатокъ въ людяхъ съ такими, можно сказать, специальными способностями, то ясно, что онъ не сравненно въ большей мѣрѣ былъ чувствуемъ и затруднялъ законодателя минувшаго столѣтія. Надлежало по необходимости довольствоваться людьми, коихъ нравственные качества вознаграждали до нѣкоторой степени отсутствіе юридическихъ знаній, а поэтому и допускать опредѣленіе судей по выборамъ, и вѣроятно, что сія система въ первоначальномъ своемъ развитіи была удовлетворительна, когда взаимныя гражданскія отношенія были просты, торговля ограничивалась тѣснымъ кругомъ внутреннихъ оборотовъ, промышленность и экономическія предпріятія были также, за исключеніемъ немногихъ особенныхъ, весьма необширны, и рѣдко появлялись случаи къ запутаннымъ спорамъ, въ коихъ однакожъ требуется рѣшеніе **скорое и по возможности однообразное, основанное на точномъ пониманіи закона во всѣхъ его подробностяхъ.**“

Въ своихъ характеристикахъ института мировыхъ судей составители Уставовъ указываютъ, что въ проектѣ положенія о судоустройствѣ **самая важная** перемѣна, сравнительно съ сводомъ 1857 г., состояла въ **учрежденіи мировыхъ судей** (осн. пол. судоустр. стр. II); что судебныя

учрежденія составляютъ также мировые судьи, коимъ ввѣряется **особенная, исключительная власть рѣшать дѣла безъ участія коллегіи** (тамъ же стр. XI; тоже введ. къ ст. 1—11 учр. суд. уст. п. 1), и что **согласно началамъ разбирательства у мирового судьи, званіе его имѣетъ великую важность въ устройствѣ суда и судебнаго управленія** (къ стр. 1 учр. суд., уст. изд. гос. канц., стр. 13).

Какъ видимъ, единоличный судъ по дѣламъ менѣ важнымъ почитается здѣсь едва ли не болѣе важнымъ, чѣмъ коллегіальный но болѣе важнымъ.

Какъ не похожи всѣ эти слова на сужденія по адресу единоличнаго же суда составителей Uue kohtukorralduse aluste. Пусть эти слова сказаны вскользь, подъ влияніемъ какого то напѣя отъ углубленія въ предметъ; собственно къ пафосу ихъ не приведено даже объясненій. Слова эти тѣмъ показательнѣе.

Составители Уставовъ 1864 г. явно ушли отъ преувеличеній значенія коллегіальности въ указѣ Петра 1718 г., а составители Uue kohtukorralduse aluste вернулись къ подобному же преувеличенію давъ, при томъ мотивировку, пригодную больше на упраздненіе, чѣмъ сохраненіе единоличнаго суда. Они повторили мысль Петра о коллегіяхъ, проглядѣвъ поворотъ симпатій въ Уставахъ къ единоличному суду. Объ особой моральной устойчивости и вообще внутреннихъ достоинствахъ коллегіальнаго суда въ учрежденіи и къ учрежденію не замолвлено слова.

Коллегіальность суда мыслилась составителями Уставовъ очевидно лишь какъ привычно обязательная отъ Петровскихъ временъ, не болѣе. Но тогда новое время вправѣ сказать: и на этотъ обыкъ возможенъ перевѣтъ. Формальное къ тому основаніе едва ли подлежитъ оспариванію

Единого суда требуетъ развитое правосознаніе, а единоличнаго I-й инстанціи **развивающаяся государственность суда.**

Въ кач. государственнаго, судъ есть органъ исключительной подзаконности, т. е. призывается исключительно къ точному примѣненію закона, каковое м. б. только единымъ или, что тоже, единообразнымъ.

При такой сущности государственнаго суда, многоличіе и многомысліе его въ I-й инстанціи логически необъяснимо, ибо пока не образовалось скрещивающихся мнѣній (II-я, III-я ступень), коллегіальность I-й инстанціи вноситъ презумпцію возможности разныхъ мнѣній о законѣ въ составѣ самого государственнаго суда, съ самаго начала. Подобная презумпція была естественна для суда съ представительствомъ отъ сословій, но совсѣмъ несвойственна государственному, при повсемѣстномъ отмираніи сословныхъ правъ, при общемъ господствѣ территоріальнаго точнаго подчиненія каждаго лица законамъ государства. При современномъ правопорядкѣ коллегіальность суда I-й инстанціи не только излишня. Она не вѣжется съ современнымъ правопорядкомъ въ той же степени, какъ параллелизмъ суда съ демократическимъ строемъ.

Единый судъ, единоличный въ I-й инстанціи есть вмѣстѣ естественное разрѣшеніе проблемы упрощенія суда. Въѣ такого шага, эта проблема всегда будетъ загадкой для законодателя, такъ какъ простоты отъ сложности не можетъ быть, и доказательство сему трудъ комисіи.

Разрѣшеніе вопроса объ упрощеніи суда мною лично иначе не мыслится. Но, противъ моего мнѣнія существуетъ еще точка зрѣнія, внѣшне ему враждебная и вмѣстѣ совсѣмъ иная, чѣмъ у комисіи подъ § 1 гл. I ея труда.

Это — особый взглядъ на положеніе вещей сторонниковъ волостного суда.

Отмѣна въ Эстѣи волостного суда (полностью для дѣлъ исковыхъ и уголовныхъ), насколько мнѣ извѣстно, не упразднила теченій въ его пользу. Но и въ поминальныхъ вздохахъ по волостному суду я нахожу скорѣе наглядное подкрѣпленіе себѣ, чѣмъ опроверженіе. Нахожу его даже тогда, когда самъ присоединяюсь къ этимъ вздохамъ.

Побѣдное шествіе государственнаго начала въ исторіи суда несомнѣнно. Но какъ и въ другихъ областяхъ государственнаго строительства, государственное начало въ строительствѣ судебномъ находитъ себѣ прочное завоеваніе тогда только, когда встрѣчаетъ для себя необходимыя условія въ общей просвѣщенности и культурности. Исторія учитъ, что развитіе всѣхъ сторонъ государственнаго общежитія совершается у людей лишь попутно съ развитіемъ культуры. Поэтому зрѣлость условій для единого суда по дѣламъ болѣе и менѣе важнымъ не устанавливаетъ еще наличности всѣхъ нужныхъ условій для объединенія въ единомъ судѣ также мѣстныхъ дѣлъ въ тѣсномъ смыслѣ.

При дѣйствіи волостного суда, мировой судья по степени важности дѣлъ, ему подсудныхъ, занималъ среднее мѣсто: для болѣе важныхъ былъ окружной коллегіальный, для менѣе важныхъ — мировой единоличный, и для мѣстныхъ, назовемъ ихъ условно „*маловажными*“, волостной — **коллегіальный же** (опять!).

Сторонники волостного суда считаютъ, что поглощеніе его компетенціи мировымъ есть не упрощеніе, а усложненіе правосудія: отдаленіе и вздорожаніе правосудія, какъ вслѣдствіе оплаты его пошлинами въ пользу государства, такъ и вслѣдствіе убыточности его для населенія въ условіяхъ хозяйственнаго, земледѣльческаго уклада жизни (поѣздки въ судъ отъ домашности); считаютъ это даже упадкомъ правосудія для случаевъ, когда по дѣлу должна доминировать норма обычнаго права, т. к. у мирового судьи доказываніе обычая встрѣчаетъ больше затрудненій и больше формализма.

Всѣ эти соображенія и весь примѣръ на волостномъ судѣ, свѣжій для современности, даютъ лишь подходящую иллюстрацію моей темѣ и моимъ мыслямъ на тему.

Коллегіальность волостного суда, какъ собраніе въ фокусъ мѣній по дѣлу, сохраняется и тогда, когда волостной судъ сталъ воспринимать черты всеословнаго, когда распространилъ свое дѣйствіе на мѣщанъ, проживающихъ въ селеніяхъ, на помѣщикъ, пожелавшихъ разбираться съ крестьянами въ волостномъ судѣ и пр.

По мѣрѣ приближенія момента полного устраненія сословныхъ перегородокъ, въ русскихъ общественныхъ кругахъ все чаще выдвигалась мысль о **всесловномъ** волостномъ судѣ, какъ наиболѣе близкомъ для общей массы населенія по мѣстнымъ дѣламъ. Противъ неизбежности водворенія государственнаго начала въ такомъ мѣстномъ судѣ спорить бы не пришлось, но сторонники волостного суда могутъ быть правы по вопросу о **своевременности** замѣны близкаго волостного суда государственнымъ, если послѣдній ставится дальше отъ мѣстной жизни, вызывая затраты энергіи и денежныхъ средствъ, поглащающихъ интересъ отъ огражденія правъ.

Въ предѣлахъ Эстїи волостной судъ упраздненъ за отпаденіемъ сословій. Произошло это, видимо, безъ достаточнаго учета значенія сего суда какъ мѣстнаго, т. е. безъ обсужденія возможности использованія его въ видѣ **безословнаго**. Можно ли сказать, что для упраздненія волостного суда, какъ ближайшаго по мелкимъ тяжбынымъ дѣламъ и даже усадьбно-наслѣдственнымъ, независимо отъ ихъ стоимости, мѣстныя препятствія вообще изжиты, а положительныя условія уже народились?

Общій уровень просвѣщенности земледѣльческой части населенія продолжаетъ давать мѣсто дѣйствію обычнаго права и порождаетъ еще дѣла, объясняемая недостаткомъ культурности. Для посѣщеній мирового судьи по всякому мѣстному дѣлу, сама страна еще не обзавелась достаточно развитою сѣтью удобныхъ путей сообщенія. Поэтому сѣтованія на упраздненіе волостныхъ судовъ никакъ нельзя признать безпочвенными.

При фактически послѣдовавшей отмѣнѣ волостного суда, если она безповоротна, введеніе единаго и единоличнаго суда смягчаетъ неудобство и остроту преждевременной отмѣны волостного суда. Съ упраздненіемъ окружныхъ судовъ по дѣламъ болѣе важнымъ, мѣсто ихъ заступаютъ участковые судьи, а неизбежное увеличеніе числа участковъ послѣднихъ приблизитъ все правосудіе для всего населенія.

Весьма возможно, что единый судъ обойдется дороже параллелизма суда. Лишній расходъ компенсируется тѣмъ, что нужное и удобное само дороже ненужнаго и неудобнаго.

Настоящій эскизъ не есть исключительно мое дерзнованіе. Со стороны практической сути (упрощеніе и ускореніе суда) контуръ его зарисованъ мною отъ челобитчиковъ по гражданскимъ дѣламъ. Ихъ чаянія и ожиданія суда скораго и опредѣленно одного (безъ пререканій о подсудности, безъ отводовъ по неподсудности и пр.) вѣдомы мнѣ уже 30 лѣтъ. Они и привели меня къ высказанной точкѣ зрѣнія.

Все сказанное, однако, нуждается въ оговоркѣ относительно уголовныхъ дѣлъ. Въ нихъ ставятся нерѣдко обвиненія, бережущія общественное сознаніе. Принять на себя отвѣтственность за исходъ такихъ дѣлъ бываетъ непосильно одному государственному суду безъ поддержки народной совѣсти. Последняя въ этихъ случаяхъ служитъ иной разъ громоотводомъ для самой государственности.

Вопросъ о томъ, можно ли обойтись на судѣ безъ представительства народной совѣсти, въ мою тему не входитъ. Приметь въ судѣ участіе сердце народа или останется съ своимъ голосомъ за стѣнами суда, слова составителей уставовъ о великой важности званія мирового судьи **въ устройствѣ суда** да станутъ пророчествомъ суда единого, единоличнаго въ I-й инстанціи. Прис. пов. И. Демкинъ. Таллинъ, 19 января 1925 г.

